

АДЕЛЬ ЗАГРЕТДИНОВ

НЕВАЛЯШКА

Когда рухнул мир, я построил мост.

Адель Загретдинов

**Неваляшка. Когда рухнул
мир, я построил мост**

«Автор»

2026

Загретдинов А. Л.

Неваляшка. Когда рухнул мир, я построил мост /
А. Л. Загретдинов — «Автор», 2026

Адель Загретдинов — основатель 9 центров реабилитации «Сила в детях», через которые прошли более 14 000 семей. Председатель Союза отцов Татарстана и ВОРДИ в РТ, член Общественной палаты республики. Одна книга — о том, как он к этому пришёл. «Лишь бы ребёнок здоровенький был» — сказала заведующая в роддоме. Через полгода эта фраза вернулась к нему другим звуком: сыну поставили диагноз. Три работы, ночное такси, восемьдесят фондов сказали «нет». А потом позвонила бабушка из Кировского района — просто чтобы передать помощь. Сказала: «Сынок, на своего ребёнка я всю жизнь копила». В эту минуту стыд стал ответственностью. «Атлант», «Добрые руки», «Логос», «Сила в детях», «ДАР». Отцовская футбольная лига, Союз отцов, ВОРДИ. Треть окружения ушла. Ковид едва не разрушил всё. Он поднимался. Эта книга — для отцов, которые сегодня слышали диагноз. Для матерей, которые ищут, к кому прислониться. Для всех, кто верит: чужих детей не бывает.

© Загретдинов А. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Посвящение	6
Перед началом	7
Часть I. До падения	8
Пролог. Сорок	8
Парк	11
Папа Линнар и мама Резеда	13
Дзюдо	15
Девятая гимназия	16
Рынок	18
Собеседование	19
Часть II. Алиа	21
Бриллиант	21
Родители Алиа	23
Романтика	25
Предложение	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Адель Загретдинов
Неваляшка. Когда рухнул
мир, я построил мост

Глава

Посвящение

Моей семье.

Маме и папе, которые дали мне первое чувство дома. Мамы уже нет рядом, но она в каждом дне, в каждом решении, в каждом слове, которое я говорю своим сыновьям. Память о ней живёт во мне.

Родителям Алии Анасу Аюповичу и Рамзие, которые дали миру её — и тем самым дали мне всё. Рамзии больше нет с нами. Но она осталась в дочери, в тепле нашего дома, в том, как Алия любит и держит семью.

Алие, которая стала моим домом.

Анвару и Ильдару, которые научили меня бороться и радоваться.

Перед началом

Эта книга не о том, как человек стал сильным. Она о том, как человек много раз не был сильным, но всё равно вставал, потому что рядом были те, ради кого нельзя было оставаться лежать.

В ней есть центры, фонды, гранты, министерства, ВОРДИ, «Союз отцов», Общественная палата. Но это не отчёт и не список должностей. Все эти слова имеют смысл только потому, что вначале был дом: мама, папа, семья, Алия, Анвар, Ильдар. Сначала родилась боль одной семьи. Потом из неё вырос вопрос: если нам так трудно, что чувствуют другие? А потом из вопроса выросло дело.

Поэтому эту книгу лучше читать не как биографию успеха, а как дорогу. В ней человек падает, злится, ошибается, просит помощи, теряет людей, находит новых, строит, уходит, начинает заново, учится говорить с отцами и государством — и каждый раз возвращается к одному: всё начинается с семьи и в семью возвращается.

События из практики «Союза отцов», реабилитационных центров и приёмных дней приведены здесь с изменёнными именами и обобщёнными деталями. Все совпадения с реальными людьми случайны. Автор благодарен каждому, кто доверил ему свою историю.

Часть I. До падения

Пролог. Сорок

17 мая 2026 года.

Говорят, сорок лет не отмечают.

Я думал об этом долго. И в конце концов решил: пусть говорят. Потому что сорок — это не праздник. Это разговор. Честный, без купюр, без подготовленной речи. Дата садится напротив тебя, смотрит без торопливости и спрашивает прямо: «Ну что, расскажешь, как дошёл?»

Сорок лет — это уже не только возраст в паспорте. Это люди, которые были рядом. Родители. Жена. Дети. Друзья. Команда. Семьи, которые доверяли. Те, кто верил, когда ты сам сомневался. Те, кто держал, когда ты падал. Те, кто приходил не за благодарностью, а потому что иначе не мог.

Есть такая детская игрушка — неваляшка. Её толкают, она падает и тут же встаёт. Снова и снова. Что бы с ней ни делали, она всегда возвращается в положение стоя. Отец моей жены Алии, человек немногословный и точный, спустя несколько лет после нашего знакомства однажды назвал меня именно так: «Неваляшка». Я тогда улыбнулся — и запомнил. Не как прозвище, а как точную формулу. Потому что жизнь меня роняла. Несколько раз по-настоящему, до земли, до ощущения, что всё, больше не встать. Но я вставал. Не потому, что был каким-то особенным, не потому, что не боялся — страх был. Просто рядом всегда оказывались люди, ради которых нельзя было оставаться лежать.

Внутри мне иногда всё ещё тридцать. А порою десять. Я закрываю глаза и вижу себя снова маленьким: мы идём по парку всей семьёй — мама, папа, сестра и я. Я смеюсь, папа несёт меня на шее, впереди аттракционы, сладкая вата, шум, солнце, люди. Для ребёнка в такие минуты мир кажется большим, добрым и безопасным. Тогда ты ещё не знаешь слов «диагноз», «реабилитация», «долги», «ночное такси», «грант», «ответственность». Ты просто счастливый ребёнок, у которого рядом семья.

Мама уже нет с нами. Нет и мамы Алии. Это тихая боль, которую не заглушишь никакими достижениями и не закроешь никакой датой. Они остались в нас: в том, какими мы стали, в том, как мы любим своих детей, в том, что мы умеем держаться. Мама давала то тепло, которое потом долго ищешь в жизни, не всегда понимая, что именно ищешь. Только когда она ушла, понимаешь: ты всё время пытался сохранить именно это. Тот свет, который она носила в доме просто своим присутствием.

Сегодня пришло осознание: всё, что во мне есть настоящего, началось именно там. В доме, где были мама и папа. В ощущении, что тебя держат за руку. В привычке быть рядом, ждать друг друга, не бросать своих. Наверное, человек потом всю жизнь строит не только карьеру, дела и проекты — он пытается восстановить то первое чувство дома, которое однажды получил в детстве, и передать его дальше: жене, детям, людям, которые приходят за помощью.

Сила не появляется в один день, её не выдают как награду. Она приходит тогда, когда ты очень хочешь быть слабым, но рядом есть те, ради кого нельзя исчезнуть. В моей жизни был день, когда я впервые по-настоящему понял, что значит быть отцом. Не в момент, когда родился сын, а чуть позже — когда стало понятно, что наш Анвар особенный.

До этого я думал, что отец — это радость, гордость, фамилия, первый крик ребёнка, фотографии, поздравления, коляска, планы. Потом понял: отец — это ещё и страх. Ответственность. Деньги, которых не хватает. Врачи, которым хочешь верить. Поиски, которые не заканчиваются. Ночь за рулём, когда все спят, а ты считаешь в голове, сколько ещё нужно заработать на следующий курс. Отец — это когда страшно, но ты идёшь. Когда внутри пустота, но ты держишь семью. Когда не знаешь, что делать, но всё равно делаешь хоть что-то.

Когда родился Анвар, мне было двадцать четыре. После родов Алиа попросила меня отблагодарить заведующую. Я пошёл: волновался — хотел сделать всё правильно, как молодой муж и отец, для которого семья уже была главным делом. Заведующая отказалась и сказала фразу, которую я потом вспоминал много раз: «Лишь бы ребёнок здоровенький был». Тогда это прозвучало как обычное доброе пожелание. Через полгода эти слова для нашей семьи стали совсем другими.

Мы узнали, что Анвар особенный, и с этого момента жизнь разделилась на «до» и «после». До были работа, планы, бизнес, молодость, семья, мечты. После начались поиск помощи, реабилитация, страх, усталость, три работы, ночные поездки и попытки разобраться в системе, к которой обычную семью никто заранее не готовит. Я не сразу стал человеком,

который открывает центры. Сначала я был отцом, который искал путь для своего ребёнка. Я не сразу стал руководителем фонда — сначала был человеком, который увидел, сколько родителей стоят в такой же темноте.

И каждый раз, когда жизнь роняла, я вставал. Не сразу, не легко, иногда с синяками. Но вставал. Неваляшка.

Эту книгу нельзя читать как ровную биографию, потому что жизнь не шла ровно. Она кидала из мандража в радость, из паники в благодарность, из пустоты в действие, из усталости в свет. Иногда утром казалось, что всё рушится, а вечером приходил звонок, человек, помощь, улыбка ребёнка — и внутри снова появлялся воздух. Бывало, едешь на встречу с дружью в руках, а возвращаешься с ощущением, что дверь открылась. Иногда боишься начать — и именно начало становится спасением.

Так в моей жизни постепенно появилась дорога к людям. Не из амбиций и не из желания быть на виду. Она выросла из семьи, из боли, из невозможности пройти мимо, когда ты уже знаешь, каково это — искать помощи и не находить её рядом. Потом будут центры, команды, проекты, ВОРДИ, «Союз отцов», «Сила в детях», ДАР, встречи, форумы, интервью, документы, благодарности и ошибки. Но корень у всего один: всё началось с семьи.

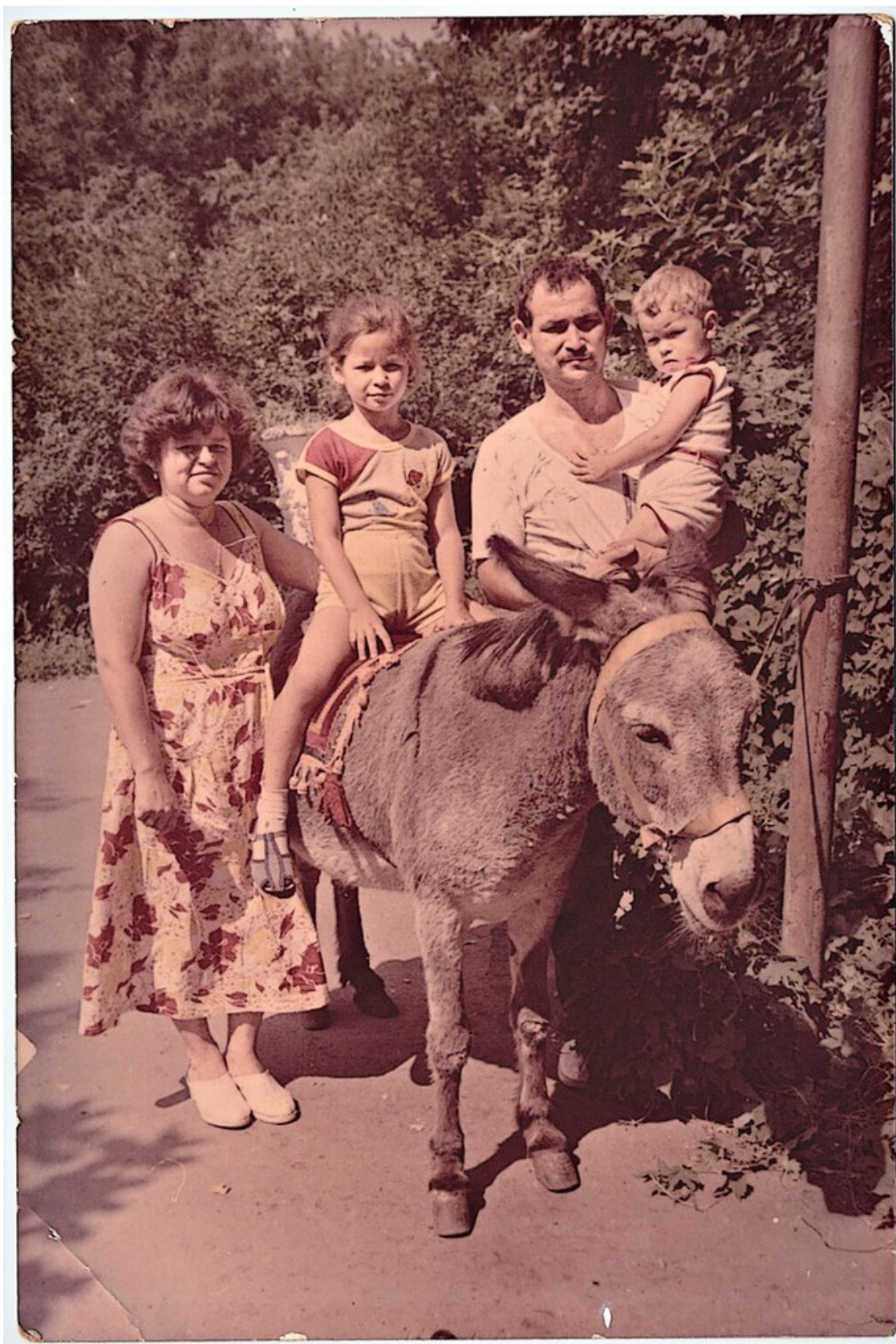
К сегодняшнему дню услуги получили более 14 000 человек — и работа продолжается с 2014 года. Я говорю про эти цифры не для того, чтобы произвести впечатление. Я смотрю и думаю о том, что за каждой единицей стоит живой человек. Ребёнок. Семья. История. И у каждой истории было своё начало, такое же, как у нас: первый страх, первый вопрос «что теперь?», первый день поиска в темноте. Если моя дорога помогла им пройти этот путь чуть легче — я прожил эти годы не зря.

Эта книга не о том, какой я молодец. Она о людях, без которых меня сегодняшнего не было бы. О маме и папе, которые дали чувство дома. О маме и папе Алии, которые дали ей тот характер, с которым она прошла рядом со мной через всё. О моей жене, которая была рядом и в горе, и в радости, ждала, верила, хранила очаг и не дала дому погаснуть. О детях, которые изменили меня сильнее любых университетов и должностей. Об Анваре, который научил бороться. Об Ильдаре, который пришёл через четырнадцать лет и напомнил, что жизнь умеет дарить чудо.

Сорок лет — не про праздник. Это про смысл, людей рядом и благодарность.

Если в этот день не сказать спасибо — тогда когда?

Парк

У каждой силы есть детский адрес. До всех центров, форумов и больших слов был мальчик, который верил, что мир добрый, потому что рядом были мама и папа. Эта часть — про корни. Про тот первый запас тепла, без которого потом невозможно выдержать холод.

Если бы эту книгу снимали как кино, первый кадр был бы не в кабинете, не на сцене и не в реабилитационном центре. Первый кадр был бы в парке.

Летний шум. Люди идут мимо, кто-то смеётся, где-то рядом тянется сладкий запах ваты. Аттракционы впереди кажутся огромными, почти волшебными. А я, маленький, сижу у папы на шее и смотрю на мир сверху. Так высоко, будто мне доверили главное место в этой жизни. Рядом мама. Рядом сестра. Мы идём вместе, и мне даже в голову не приходит, что счастье надо как-то называть. Оно просто есть.

В детстве семья не кажется ценностью. Семья кажется воздухом. Ты не объясняешь себе, почему рядом мама, почему отец держит крепко, почему сестра смеётся, почему в доме тебя ждут. Ты просто живёшь внутри этого тепла и думаешь, что так устроен весь мир.

Папа Линнар не произносил длинных речей о любви. Он вообще не из тех, кто много говорит. Но ребёнку слова не всегда нужны. Ребёнок слышит любовь иначе: по шагу рядом, по руке на плече, по тому, как отец смеётся, когда ты хохочешь у него на шее. Мама Резеда тоже любила не лозунгами. Она умела создать вокруг такое чувство безопасности, что ты ещё не успел испугаться, а тебя уже как будто укрыли.

Сейчас, когда мне сорок, я понимаю: именно там, в этом парке, всё и началось. Не фонд, не центры, не «Союз отцов», не ВОРДИ, не общественная работа. Началось с простого детского знания: если рядом твои — ты не потеряешься.

Позже будет много другого. Рынок, магазины, банк, роддом... Диагноз. Ночи за рулём. Реабилитационные центры. Документы. Гранты. Люди, которые приходят с болью в глазах и ждут, что ты найдёшь для них хоть какую-то дорогу. Будут моменты, когда внутри пусто, а снаружи надо улыбаться. Будут дни, когда тебя бросает из мандража в радость и обратно за один час.

Но в самые тяжёлые минуты я всё равно возвращался туда. В парк. К папиным плечам. К мамину голосу. К сестринскому смеху. К ощущению, что семья — это не красивая фраза для открытки. Семья — это когда тебя держат, пока ты сам не научишься держать других.

Наверное, поэтому позже, когда ко мне начнут приходить родители особенных детей, я не смогу смотреть на них как на «заявителей» или «получателей услуг». Я буду видеть семьи. Такие же, как мы когда-то в парке. Только у них вместо сладкой ваты в руках будут справки, диагнозы, направления и усталость. А внутри всё то же желание: чтобы их ребёнок не потерялся в большом мире.

Умение слышать начинается дома. Если тебя слышали, ты потом умеешь слушать. Если тебя держали, ты потом умеешь быть опорой. Если тебе показали, что любовь — это присутствие, ты однажды сам становишься человеком, который просто остаётся рядом.

Всё начинается с семьи. Всё и заканчивается ею.

Папа Линнар и мама Резеда

Нас было четверо: папа Линнар, мама Резеда, сестра Алина и я. Четыре разных характера, четыре разных ритма, но один дом. Сейчас я всё чаще думаю: сила семьи не в том, что все одинаковые. Сила в том, что каждый на своём месте.

Папа по характеру спокойный. Не холодный, не отстранённый, а именно спокойный. Есть такие мужчины: они не создают вокруг себя шума, но рядом с ними у ребёнка внутри становится тише. Папа не говорил: «Не бойся, я всё решу». Он просто был рядом — и этого хватало, чтобы поверить: не всё потеряно.

Он водил меня на секции. Иногда кажется, что мы с ним обошли половину города в поисках того самого занятия, где у меня загорятся глаза. Папа не толкал. Он предлагал: «Пойдём, попробуем». Если не моё — значит, не моё. Пойдём дальше. В этом была его мудрость: ребёнка нельзя поставить на путь силой. Его можно только привести к двери и дать почувствовать, хочет ли он войти.

Мама Резеда была двигателем. Весёлым, энергичным, иногда таким, что весь дом начинал двигаться вместе с ней. Если надо было куда-то поехать, она заранее смотрела маршрут, всё выясняла, продумывала, а потом незаметно поворачивала всю семью в нужную сторону. Снаружи звучало папино решение, а внутри за ним стояли мамина внимательность, её расчёт, её любовь.

У них была своя формула: жена — шея, муж — голова. Куда шея повернёт, туда голова и посмотрит. Смешно, но точно. Это не умаляло никого — это делало их командой.

Вечерами у нас бывали семейные советы. Не официальные, без повестки и протокола. Просто стол, разговоры, каждый может сказать. Даже ребёнок. Особенно ребёнок. Тогда я ещё не называл это воспитанием лидерства, просто жил в этом. Позже, когда надо будет говорить

с министрами, родителями, журналистами, с отцами, которые на грани, я пойму: право голоса мне дали дома.

В моём детстве была и тяжёлая, почти непроизносимая страница. Клиническая смерть в восемь месяцев. Я не хочу делать из этого сенсацию. Но факт остаётся фактом: однажды моя жизнь действительно оказалась под вопросом. Многое из того, что было тогда, я не помню. Зато знаю другое: родители тогда не рассыпались, они сделали всё, что могли, и ещё чуть больше. Не потому, что были героями из кино. А потому, что были мамой и папой. Позже я не раз видел родителей, которые вытаскивают ребёнка из беды всем телом, всей душой, последними силами, — и каждый раз узнавал в них своих.

Родительская любовь — это не только обнять на празднике. Но ещё и не сдаться в тот момент, когда страшно даже дышать.

В этом я вырос, и это потом помогло выдержать всё.

Дзюдо

Казань девяностых не надо романтизировать. Она была живой, шумной, дворовой, местами жёсткой. Улица Серова, где я рос, знала разные компании, разные разговоры, разные соблазны. Подросткам тогда было легко попасть не туда — родителям было трудно уследить, куда именно тянет улица.

Фильм «Кровь на асфальте», снятый в Казани, передал часть того времени. Но кино можно выключить. А мы жили внутри этой реальности.

Папа и мама понимали: просто запретами ребёнка не спасёшь. Нужна другая среда, нужны люди, которые покажут силу без уличной злости. Так в моей жизни появилось дзюдо. Зал на Тасме. Запах татами. Ребята, которые сначала смотрят настороженно, а потом становятся своими. И тренер — Евгений Петрович Зюрнин.

Он не ломал, не заставлял из страха — он объяснял. Преподносил идеологию. Дзюдо у него было не про то, чтобы унижить соперника. Оно было про уважение, выдержку, контроль и умение подняться после падения. Это только со стороны кажется, что дзюдо начинается с броска. На самом деле оно начинается с того, как тыходишь в зал.

Я дорос до кандидата в мастера спорта. За этой фразой стоят годы, когда не хочется идти, но идёшь. Когда проиграл и возвращаешься. Когда тело устало, а тренировка всё равно продолжается. Дзюдо учило не сдаваться — не красиво, а практически: упал, встал, снова работаешь.

Один поединок я помню так, будто его можно перемотать в голове кадр за кадром. Я весил 57 килограммов, категория плюс 55. Напротив — чемпион республики, 107 килограммов. Почти в два раза больше меня. Он вертел меня как игрушку: бросок, давление, снова бросок. Я уходил, выкручивался, пытался не дать себя задавить.

Потом он снова пошёл на бросок. На мгновение всё стало тихо, как будто зал выключили. Я лечу, понимаю, что сейчас будет конец схватки, — и вдруг тело делает то, чему его учили годами. Разворот. Зацеп. Всё по правилам. И уже падает он.

Секунда тишины.

Потом зал взрывается.

Я стоял и сам не сразу понял, что победил. Вот она, первая взрослая правда: иногда против тебя выходит человек вдвое тяжелее, ситуация вдвое сильнее, жизнь вдвое страшнее. Но если внутри есть стержень, шанс есть всегда.

Тренер тогда ничего пафосного не сказал. Просто кивнул. Этот кивок я помню до сих пор. Зачастую взрослому мужчине нужно совсем немного, чтобы понять: ты сделал правильно. Не похвала, не диплом — кивок человека, которому ты доверяешь.

Позже, когда я начну открывать центры и сталкиваться с задачами, которые выглядят сильнее меня, я буду вспоминать тот поединок. Когда тебе тяжело, порою хватает одного дыхания — и одного приёма, который твоё тело знает лучше тебя.

Девятая гимназия

Девятая гимназия была отдельным миром, в котором рядом существовали рэперы, неформалы, мажоры, отличники, тихони, лидеры и те, кто только искал себя. Школьный коридор похож на маленькую страну: у каждого своя территория, свои правила, свои страхи.

Но школа для меня началась не с конфликтов. Она началась с Елены Петровны — моей первой учительницы и первого классного руководителя. Она взяла меня в эту школу, учила читать, писать, отвечать у доски, но главное — учила чувствовать, что взрослый рядом может быть не над тобой, а рядом с тобой.

Для меня она стала почти второй мамой в школе. В детстве такие вещи не объясняешь. Просто заходишь в класс и понимаешь: здесь тебя приняли. Здесь можно ошибиться, встать, попробовать снова.

Судьба потом сделала удивительный круг: спустя годы Елена Петровна снова оказалась рядом — но уже не у школьной доски. Сегодня она работает со мной и стала одним из самых ответственных и преданных сотрудников нашей большой семьи. Человек, который когда-то встретил меня ребёнком на пороге школы, теперь помогает встречать другие семьи на пороге помощи. В этом есть что-то очень правильное.

А потом был другой школьный кадр, уже без тепла. Трое старшеклассников. Я один.

На тренировках нас учили: не нападай первым, сначала попробуй поговорить. Не используй силу, если можно обойтись словами. Я и в жизни часто так делал: переводил конфликт в диалог. Но бывают минуты, когда диалог уже никому не нужен.

Они пошли на меня. Мне сломали нос. Дальше включилось не желание победить, а тело, натренированное годами. Приёмы, которые отрабатывались сотни раз, пошли автоматически.

Я не горжусь этой сценой — здесь нечем хвастаться. Слава богу, все живы. Но внутри у меня после этого не было чувства победителя. Было другое: будто дзюдо, которое я любил за дисциплину и философию, вдруг оказалось в грязной уличной истории. Мне стало тяжело. Я отстранился.

Потом понял: дзюдо не предало меня. Оно спасло. Просто жизнь впервые показала, что сила — это не игра и не медаль. Сила всегда несёт последствия.

Я ушёл от татами на какое-то расстояние, но дзюдо не ушло от меня. Оно осталось в сердце — в способности терпеть, в привычке вставать, в понимании, что не каждый бой надо начинать, но, если бой пришёл к тебе сам, надо суметь не сломаться.

Борьба не заканчивается падением. Она начинается подъёмом.

Рынок

В институтские годы я подошёл к родителям и сказал: «Хочу работать».

Наверное, где-то внутри я ждал волшебной фразы, что есть знакомый, есть место, есть человек, который поможет. Родители ответили честно: «Связей нет».

Пауза могла бы стать тупиком. Но у нас в семье тупики редко оставались тупиками. Папа и мама тогда работали на Приволжском рынке и предложили: «Давай откроем точку».

Рынок — это не офис и не красивая вывеска. Это шум, коробки, разговоры, холод, жара, люди, которые проходят мимо и за секунду решают, доверять тебе или нет. Там быстро взрослеешь. Там нельзя спрятаться за должность. Либо умеешь разговаривать — либо нет. Либо чувствуешь человека — либо он уже ушёл к соседу.

Я попробовал. Через полгода у меня было уже три точки. Почти монополист, как я тогда с улыбкой думал. Сначала были женские вещи, потом женская обувь — размеры от 32-го до 45-го. Для кого-то это просто ассортимент. Для меня это стало первым настоящим уроком: если человек не попадает в стандарт, он не должен чувствовать себя лишним.

Сейчас я понимаю, как странно жизнь готовит человека. Тогда я искал обувь для женщин, которым в обычных магазинах говорили: «Нет вашего размера». Потом буду искать помощь для семей, которым в разных кабинетах будут говорить: «Нет возможности». Логика одна: если человеку некуда идти — значит, надо создать место, куда он сможет прийти.

Потом появились магазины в ГУМе, в «Юности», в «Гулливере». Клиентская база выросла почти до 680 человек со всего Татарстана. Это была моя первая большая школа доверия: клиент возвращается не только за товаром — он возвращается туда, где его помнят, слышат и не заставляют чувствовать себя неудобным.

Родители не устраивали мне торжественных речей. Но я видел их глаза. Иногда гордость звучит без слов.

Если человеку некуда идти — значит, надо создать место, куда он сможет прийти. Это я потом буду помнить ещё долго.

Собеседование

Эта история по времени случилась позже — после рождения Анвара и после того семейного удара, когда стало понятно, что у сына ДЦП. Но по смыслу она продолжает главу о рынке. Потому что именно там, в торговле, я получил опыт, который однажды неожиданно открыл мне двери в банк.

Позже я оставил бизнес.

Не потому, что не получалось — получалось. Но после диагноза прежняя жизнь перестала держаться на привычных правилах. Бизнес требовал внимания, расчёта, присутствия, холодной головы. А внутри уже шла другая работа: как помочь ребёнку, где взять деньги, куда ехать, кому верить, как удержать семью.

И в этот момент важную роль сыграл папа Али. Его зовут Анас Аюпович, но я почти никогда не называл его официально. Для меня он просто папа. Именно он предложил попробовать банковскую сферу — не как красивый карьерный поворот, а как возможность встать на более понятную землю, получить стабильность, переключиться, начать новую главу. Я согласился.

Собеседование. Анкета. Кадровик напротив. Всё официально, спокойно. Я заполняю строки, стараюсь выглядеть серьёзно. И тут мимо проходит женщина, смотрит на меня и говорит:

— Привет, Адель.

У меня автоматически вылетает: «Привет».

Кадровик подняла глаза так, будто я только что нарушил государственную тайну:

— Вы как разговариваете с нашим боссом?

А я сам не понял, что произошло.

Потом меня пригласили в кабинет. Женщина улыбнулась:

— Вы меня не помните?

Оказалось — моя постоянная клиентка из магазина.

— Вы два раза меня выгоняли и не пускали в магазин, — сказала она. — А на третий раз предложили поехать с вами в другой. Там я купила три пары.

Я сидел и понимал: собеседование только началось, а прошлое уже пришло вперёд меня. Но пришло не как проблема, а как рекомендация. Она помнила не анкету, а отношение, настойчивость, живую продажу.

Потом она честно сказала, что зарплата маленькая, даже на топливо может не хватить. Тогда я ездил на дорогой британской машине, и это было заметно.

Я ответил:

— Надо пробовать. Уйти я всегда смогу.

Эта фраза потом не раз будет возвращаться ко мне в жизни. Начать заново не страшно, если ты не считаешь прошлый успех клеткой. Через полгода меня хотели повысить до руководителя отдела по юридическим лицам. Но пришло приглашение в Банк24.ру — уже на одну из руководящих ролей в регионе. И я снова пошёл туда, где было неизвестно.

Рынок, магазины, Сбербанк, Банк24.ру — тогда всё это казалось разными главами. Теперь понимаю: это была подготовка. Я учился слышать людей, договариваться, держать удар, не бояться больших кабинетов и не теряться, когда на тебя смотрят проверяющие. Всё это потом пригодится там, где ставки будут намного выше денег.

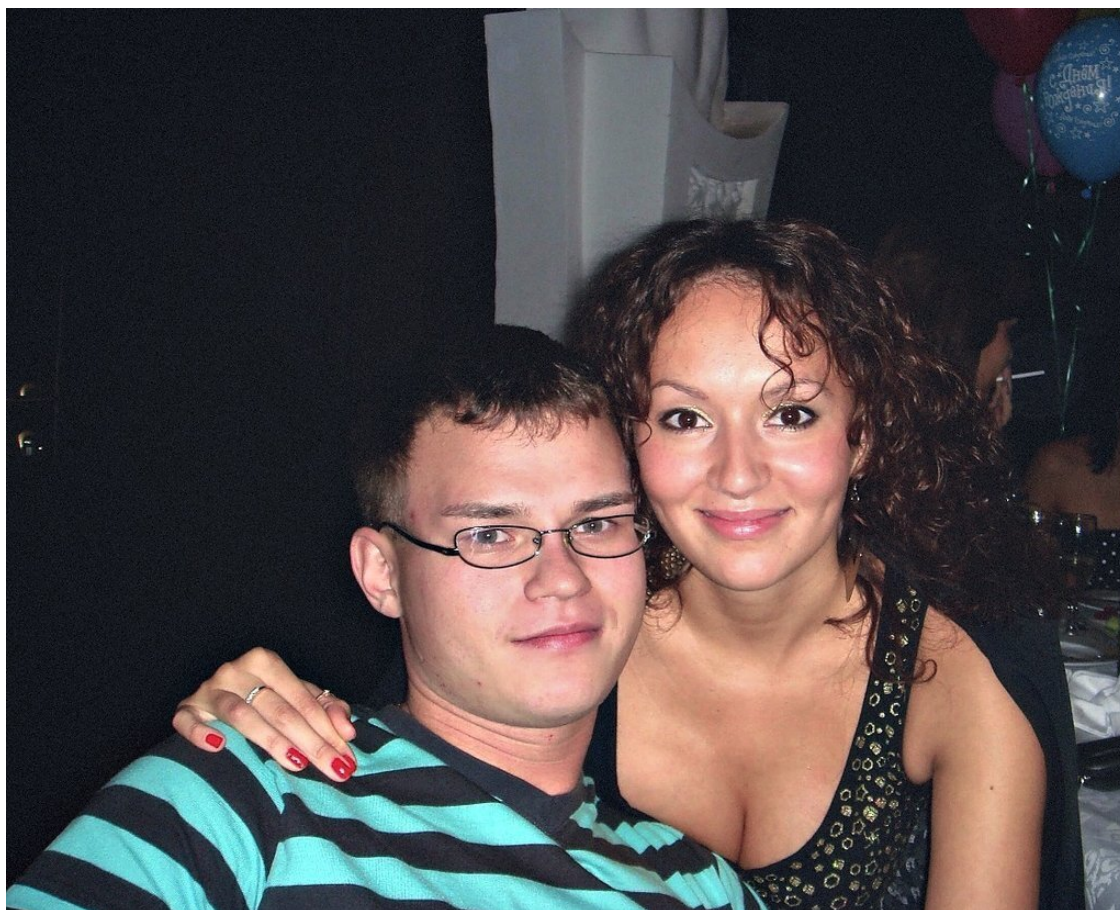
Уже позже, когда личный опыт стал общественной работой, эта практическая школа дополнилась образованием: в официальной биографической справке Общественной палаты РФ указаны КНИТУ-КАИ имени А.Н. Туполева (специальность «Менеджмент организации», 2008 год), переподготовка в КФУ по социальному проектированию и управлению социальными

проектами в 2018 году и переподготовка в Поволжском университете физической культуры, спорта и туризма по адаптивному спорту в 2022 году. Для книги это важно не как список дипломов, а как ещё одно подтверждение: путь от личной боли к системе помощи требовал не только сердца, но и управленческого, социального и спортивно-реабилитационного языка.

Но до всех этих ставок жизнь должна была поставить мне мой главный вопрос. И она его поставила — просто иначе, чем я ожидал.

Часть II. Алия

Бриллиант

С Алией всё началось в КАИ. Обычный студенческий день, коридор, перемена, кто-то кого-то знает, кто-то кого-то знакомит. Никакой музыки, никакого замедленного кадра. Просто девушка с кудряшками, глазами и ушками, которые почему-то сразу остаются в памяти.

Её глубина раскрывалась постепенно, это не всегда видно сразу. Бывает, человек становится ближе с каждым разговором, и ты видишь всё больше. Сначала улыбка. Потом характер. Затем внутренний стержень. Потом вдруг понимаешь: перед тобой не просто девушка, рядом с которой хорошо. Перед тобой человек, с которым можно идти далеко.

Когда мы начали встречаться, у нас была своя шутка. Алиа однажды спросила, не слишком ли много дорог я прошёл, прежде чем оказался рядом с ней. Я ответил: «Я искал бриллиант в стогу сена».

Фраза была сказана легко, с улыбкой. Но в ней оказалась правда: я ведь действительно искал не просто красивую девушку — я искал человека, с которым можно не только гулять и смеяться, но и жить. Не праздник прожить, а жизнь. С её усталостью, тревогами, дорогами, ночами, когда один из двоих молчит, потому что боится сказать лишнее. С её решениями,

ответственностью, детьми, делом, испытаниями, возвращениями домой после трудных дней. И нашёл. Именно Алию.

Три года мы были без ругачек. Настолько спокойно, что однажды я сам не выдержал:

— Все семьи как семьи, а мы?

Алия посмотрела и спросила:

— Хочешь?

Я быстро ответил:

— Нет.

И мы оба всё поняли.

Бывают отношения, где любовь всё время доказывают громкостью. Наши были другими. Тишина рядом с Алией не была пустой — в ней было доверие. Потом, когда жизнь начнёт проверять нас на прочность, именно это окажется главным. Не букеты, не красивые слова, не фотографии. А способность оставаться рядом, когда страшно, когда нет денег, когда диагноз звучит как приговор, когда каждый день надо выбирать: сломаться или держаться.

Алия была рядом. Не в открытке. Не в красивой фразе. В жизни. И важно сказать честно: она не просто поддерживала меня. Поддержка — слишком маленькое слово для того, что она делала. Она держала дом, ребёнка, меня, свои страхи, чужие ожидания и ту невидимую часть семейной жизни, которую редко замечают, пока она не исчезнет.

Родители Алии

У каждой сильной женщины за спиной есть семья. Не как давление, а как почва. У Алии эта почва была крепкой.

Отец Алии — человек строгий и любящий одновременно. На работе — авторитет, ветеран Афганистана, руководитель серьёзного ведомства. Дома — папа. Другой голос, другая улыбка, другой свет в глазах. Его окружали четыре женщины: мама, жена, дочери Алиа и Диляра. Один мужчина среди четырёх женских характеров. Возможно, поэтому он так хорошо понимал женщин: не спорил с их природой, а уважал её.

Когда рядом с его дочерью появился я, он, конечно, хотел понять, кто этот молодой человек. Номера моей машины оказались в его записной книжке. Тогда это воспринималось как строгий контроль, сейчас я осознаю: это была любовь отца, который не имеет права быть равнодушным, когда речь о дочери.

Маму Алии звали Рамзия. Но для меня она быстро стала просто мамой. Не второй по значимости, а второй по любви. Я называл её мамой, и это было не из вежливости, а по-настоящему. Не преувеличу, если скажу: как вторая мама с небес. Она ни разу не сказала обо мне плохо. Ни разу. Только поддерживала. Мамы невест бывают разными: кто-то проверяет, кто-то сомневается, кто-то держит дистанцию. А Рамзия видела во мне человека и говорила это вслух.

Однажды она сказала: «Когда-нибудь тебя будут называть не просто Адель, а Адель Линарович».

Тогда это прозвучало почти как доброе предсказание. Потом сбылось дословно. И каждый раз, когда люди обращаются ко мне по имени-отчеству, я вспоминаю её. Кто-то поверил в меня раньше, чем я сам успел до конца поверить.

Я часто говорю молодым: смотрите на маму будущей жены. Не потому, что дочь обязательно станет копией. А потому, что семья передаёт ценности не лекциями, а жизнью. Она была красивой, умной, тёплой женщиной. Глядя на неё, я понимал, откуда в Алие эта способность любить не громко, а надёжно.

Рамзии больше нет рядом. Но когда я смотрю на Алию — на то, как она держит дом, как чувствует Анвара, как встречает Ильдара, как иногда молчит, но этим молчанием говорит больше любых слов, — я вижу Рамзию. Она живёт в дочери. И в нашем доме тоже.

Романтика

Когда любишь, хочется удивлять. Не потому, что так написано в книжках. А потому, что внутри что-то переполняется и ищет выход. У нас с Алией выработалась своя традиция: каждое 13-е число мы отмечали — это было наше число, наша дата. И я старался каждый раз придумать что-нибудь, что оставит след.

Была ночная история, которую я вспоминаю с улыбкой. В 12 ночи я позвонил Алие и сказал: «Выходи». Мама взяла трубку и ответила, что Алиа спит. Я почти ушёл: постоял немного, подумал, развернулся... Но тут дверь открылась, и она вышла. В розовом пуховике. Заспанная, немного удивлённая — и всё равно красивая. На снегу я выложил пластиковые стаканчики в форме сердца, наполнил их водой и запустил плавающие свечи — такие продавались тогда в ИКЕА. Горели маленькие огоньки, снег вокруг, ночная тишина. Она молчала какое-то время, а потом засмеялась.

Был ещё один момент — масштабнее. Я позвал друзей из КАИ, и мы устроили целый спектакль во дворе. Файер-шоу с огнём, салюты, человек с саксофоном, люди с рациями для координации, большой короб три на три метра, красиво упакованный, как подарок. Внутри — бармен-шоу: подкидывание бутылок, безалкогольные коктейли, всё по-взрослому. Соседи смотрели из окон, а потом ещё долго рассказывали родителям. Родители улыбались — думаю, с пониманием.

Про саксофониста отдельная история. Я организовывал музыкантов через телефон, они перезванивали, уточняли время. Один из них почему-то набрал на домашний. Трубку взяла моя мама и услышала, что ей звонит человек, которого она вызвала, — саксофонист. Мама, разумеется, никого не вызвала. Была в шоке: «Какой саксофонист?» Я её не предупредил. Она потом смеялась, но смех был немного нервным.

И ещё одна история — с розой и воздушными шарами. Алиа жила на третьем этаже. Я хотел передать ей одну-единственную розу — красиво, лично, неожиданно. Выяснилось, что для одного цветка, чтобы он долетел до третьего этажа, нужно примерно 15—17 гелиевых шаров. Я не отступил: купил шары, привязал розу, отпустил связку. Цветок покачался, покачался — и всё-таки долетел. Алиа смотрела из окна и смеялась. Я смотрел снизу и понимал: вот это правильно. Не потому, что получилось идеально — потому что было искренне.

В юности я ещё не знал, что романтика — это не только большие жесты. Такие жесты приходят легко, когда внутри пляшет восторг. Гораздо труднее быть нежным каждый день. Подавать чай. Помнить, что жена устала. Не приносить домой раздражение, которое накопил за день. Этому я учился потом — годами. Но первые большие жесты тоже были важны: они становились семейными историями, которые мы потом будем рассказывать сами себе, чтобы вспомнить, с чего начиналось.

Предложение

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.